

Шляхта и казаки БЕЗ РЕТУШИ

Экранизовав «Огнем и мечом», неутомимый романтик польского кино Ежи Гофман завершил «дело своей жизни» — перенес на экран всю трилогию Генрика Сенкевича.

ков. И в разгуле, и в дикости наша шляхта не уступала казакам. И те, и другие одинаково ценили честь и доблесть.

— Однако рецензенты пишут, что «Гофман подретушировал образы». Украинiec Хмельницкий у вас выглядит достойным трезвенником, а поляк Заглоба, наоборот, больше пьет, чем говорит...

— Заглоба и у Сенкевича пьет беспрестанно. А Хмельницкий... Видите ли, он пил так же, как гетман Потоцкий. Но, избавившись в фильме от Потоцкого, я не счел нужным злоупотреблять пьянством Хмельницкого. К тому же позорнее терпеть поражение от пьяного противника.

— Во время съемок не прекращались споры о том, какой вред принесет ваш фильм, который заранее называли антиукраинским.

— Многие из тех, кто считает «Огнем и мечом» синонимом антиукраинского, о книге знают лишь понаслышке. Конечно, фильм не для оголтелых. Не для тех, кто топтал во Львове русские, польские, венгерские флаги, а в Пшемьсле устраивал беспорядки из-за православной церкви. Это фильм для нормальных людей. Я уверен, что таких большинство.

— Заканчивается трехчасовой фильм, и за кадром голос Збигнева Запасевича подводит итог: «Спустя 150 лет русская императрица Екатерина II ликвидирует Запорожскую Сечь, покоряет Крымское ханство и

наносит непоправимый урон Речи Посполитой...» Получается, что поляки и казаки бьются в кровь, а им надо бы объединиться — опасность исходит от России. У Сенкевича, по моему, этого нет.

— Это мои слова, сказанные как бы вслед Екатерине. Я хотел всего лишь подчеркнуть: когда дерутся соседи, этим всегда пользуется кто-то третий. Вывод один — не надо воевать. Никогда и никому.

— При всем уважении к вам президент Александр Квасьневский не дождался премьеры и посмотрел «сырой материал»...
— Ну, почти «сырой»... Президент можно понять: а вдруг в картине

— Как вы нашли на одну из центральных ролей Александра Домогарова, который в мгновение ока стал в Польше невероятно популярен?

— За три недели до начала съемок вдруг выяснилось, что наши сроки не совпадают с планами Богуслава Линды, который должен был играть Богуну. Бросились искать замену на Украине и в России. Просматривая кассеты-визитки, наткнулись на актера Московского театра имени Мессовета, который отвечал нашим представлениям о Богуне, ездил верхом, фехтовал... Моя жена Валя, которой я всегда доверял при выборе актеров, сразу сказала: «Даже пробовать не надо — это и есть Богун».

Я все-таки попросил Домогарова приехать в Варшаву. После первых минут общения стало ясно — выстрел в десятку. Вся наша многочисленная группа сразу сочла Сашу своим. Обаятельный человек, очень талантливый, во всем молодец. Славянская душа.

— При всем уважении к вам президент Александр Квасьневский не дождался премьеры и посмотрел «сырой материал»...

— Ну, почти «сырой»... Президент можно понять: а вдруг в картине

заложена бомба под нашего, как принято сейчас говорить, стратегического партнера, каким является Украина? Оказалось, что фильм вызывает желание пожать руки друг другу. Президент даже извинился за просьбу показать ему «материал» — как-никак мы давно ушли от традиций карающих художественных и политической цензуры. Я снимал фильм на свой страх и риск, под личную ответственность.

— Ее было недостаточно при экранизации двух первых частей трилогии?

— Тогда мне заранее ставили условия: кто должен олицетворять предателей, каким будет центральный эпизод. Зато с деньгами не было проблем.

— Но была проблема с пятым пунктом вашей анкеты. Правда ли, что вас вынуждали к эмиграции?

— Было такое. В 1968 году, во время съемок «Пана Володыевского», «самого польского, самого национального фильма», как тогда писали. Я по духу, по культуре, по всему — поляк, а по происхождению — еврей. Даже не по религии, потому что верю в Бога как такового. А это был период организованной сверху антисемитской кампании. Польшу покинули около двадцати тысяч граждан-евреев — профессоров, писателей, деятелей культуры... Вынуждали уехать и меня. Были допросы, обыски, попытки организовать у меня в группе забастовку, которые, впрочем, провалились. Я сказал, что окончил институт в Москве, моя жена — советская гражданка, так что я уеду в Советский Союз. На этом все кончилось.

— Вас называют человеком вулканической энергии. Откуда эта неистощимость в работе, в жизни?

— По-видимому, в генах, которые запрограммировали мою жизнь — довольно бурную и разнообразную. Но мне еще очень повезло — я встретил женщину, с которой мы прошли рука об руку 38 лет. Знаете, женщина может мужчину вознести под облака, может и втоптать в грязь. Валя меня возвышала, не позволяла падать духом. В каждом из моих фильмов есть ее частица. Она была сердцем и душой картины «Огнем и мечом». Дело своей жизни я посвятил моей Валентине, не дожившей месяц до премьеры.

ДОСЬЕ «МН»

Ежи Гофман родился 15 марта 1932 года в Кракове. В 1940 году был вывезен в Сибирь, вернулся в Польшу после войны. В 1955 году окончил ВГИК. Работал на Студии документальных фильмов в Варшаве. Вместе с однокашником по ВГИКу Эдвардом Скужевским снял 27 документальных картин, а также художественные фильмы: «Гангстеры и филантропы», «Закон и кулак», «Три шага по земле». Среди самостоятельных работ: «Прокаженная» (1976), «До последней капли крови» (1978), «Знахарь» (1982), «По приговору твоим, Господи...» (1983), «Прекрасная незнакомка» (1992). Самое значительное произведение Гофмана — экранизация трилогии Генрика Сенкевича: «Пан Володыевский» (1969), «Потоп» (1974) и «Огнем и мечом» (1999).